

вовсе не герой своего времени, и самъ поэтъ не думалъ изобразить его такимъ. Онъ былъ чужой для общества, въ которомъ ему пришлось вращаться, и все у него выходило какъ-то нескладно, не въ-время и не кстати. „Забавъ и роскоши дитя“ и сынъ промотавшагося отца, 18-лѣтній философъ съ охлажденнымъ умомъ и угасшимъ сердцемъ, онъ началъ жить, т.-е. жечь жизнь, когда слѣдовало учиться, принимался учиться, когда другіе начинали дѣйствовать, усталъ прежде, чѣмъ принялся за работу, суетливо бездѣлничалъ въ столицѣ, лѣниво бездѣлничалъ и въ деревнѣ, изъ чванства не умѣлъ влюбиться, когда это было нужно, изъ чванства же поспѣшилъ влюбиться, когда это стало преступно, мимоходомъ, безъ цѣли и даже безъ злости убилъ своего пріятеля, безъ цѣли поѣздилъ по Россіи, отъ дѣлать-нечего вернулся въ столицу донашивать истощенныя разнообразнымъ бездѣльемъ силы, и здѣсь, наконецъ, самъ поэтъ, не кончивъ повѣсти, бросилъ его на одной изъ его житейскихъ глупостей, недоумѣвая, какъ поступить дальше съ такимъ безтолковымъ существованіемъ. Добрые люди въ деревенской глуши смирно сидѣли по мѣстамъ, досиживая или только насиживая свои гнѣзда; налетѣлъ праздный пришлецъ изъ столицы, возмущилъ ихъ покой, сбилъ ихъ съ гнѣздъ, и потомъ съ отвращеніемъ и досадой на самого себя отвернулся отъ того, что надѣлалъ. Словомъ, изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ романа самое лишнее—это его герой*. Критикъ сталъ задумываться надъ извѣстнымъ вопросомъ, поставленнымъ въ романѣ не то отъ лица самого поэта, не то отъ лица Татьяны:

Что-жъ онъ, ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...

Критикъ сталъ изучать Онѣгина. „Методъ изученія былъ намъ подсказанъ самой Татьяной. Мы старались пробраться украдкой въ кабинеты людей того времени, разобрать книги, которыя они читали и которыя читали ихъ отцы, съ оставленными на поляхъ отмѣтками, крестами и вопросительными крючками. Изучая такъ Онѣгина, мы все болѣе убѣждались, что это очень любопытное явленіе и прежде всего — явленіе вымирающее. Припомните, что онъ — „наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ“, а такой наслѣдникъ — обыкновенно послѣдній въ родѣ. У него есть и черты подражанія въ манерахъ, и Гарольдовъ плащъ на плечахъ, и полный лексиконъ модныхъ словъ на языкѣ; но все это — не существен-